

ЭТИЧЕСКОЕ ЗВУЧАНИЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО СЮЖЕТА В РОМАНЕ

М. БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА"

Яцемирская О. В., аспирант

Христианство родилось и утвердилось на рубеже двух исторических эпох, в период безвременья, когда старые идеалы уже обесценились, а новые еще не были найдены. Духовный кризис осложнялся политико-экономическим. Чувствовалось приближение краха цивилизации, всего привычного уклада жизни. Отчаяние, растерянность и ожесточение сменяли попеременно друг друга в душах людей первых веков новой эры.

Интересно, что и большинство литературных обработок евангелий относится ко временам крупных общественных переломов, когда писатель, наблюдая крушение прежнего мира и страшась наступающей неизвестности, обращается к христианству, стремясь постигнуть будущее и, найдя точку опоры, прежде всего нравственную, пережить "смутные времена".

Канонические тексты лаконичны. Кроме того, если опустить несколько имен, мы увидим, что они не имеют конкретной временной соотнесенности, а проблемы, поднятые в них, оживают на каждом новом витке развития цивилизации.

Не случайно веками писатели разных народов, опираясь на евангелия, создавали художественные произведения.

Индивидуальные встречи с Богом и похожи на канонические описания, и отличаются от них. Страдающий Бог – это еще и философская категория, каждый живущий должен помнить, что он не одинок в этом мире, что за его счастье и будущую жизнь, во имя любви к нему умер Христос.

Этот мотив мы находим в романе М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита". Он создавался в один из самых мрачных периодов в истории страны (с 1928(29) по 1940 год) и после публикации (в 1967 году) стал заметным явлением нашей общественной жизни, узаконив серьезный, даже сочувственный разговор о религии, прежде не выходивший из границ атеистической пропаганды.

Стоит отметить, что, хотя сюжетобразующий элемент – евангелие, Мастер пишет роман о Понтии Пилате, то есть власти зла, а М. А. Булгаков о сатане. Первая редакция "Мастера и Маргариты" была уничтожена автором 18 марта 1930 года. Об этом он сообщил правительству в письме уже 28 марта: "И лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе..." [1, с. 11]

Первые варианты названия произведения говорят сами за себя: "Фарибунда", "Черный маг", "Копыто инженера" и другие. Работа над ним возобновилась в 1931 году, тогда уже в романе появились Маргарита и ее безымянный спутник – будущий Мастер. 2 августа 1933 года Булгаков сообщил своему другу писателю Викентию Вересаеву: "В меня вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман." Вторая редакция, создававшаяся до 1936 года, имела подзаголовок "Фантастический роман" и варианты названий: "Великий канцлер", "Сатана", "Черный богослов", "Пришествие" и тому подобное. Третья редакция романа, начатая во второй половине 1936 года или в 1937 году, первоначально называлась "Князь тьмы", и только во второй половине 1937 года появилось заглавие "Мастер и Маргарита" [2, с. 304].

С первых страниц "закатного романа" становится ясно, что мир современной автору Москвы – это мир навыворот, и по его обратной логике Мастер должен стать и становится жертвой, но не сатаны, а самодовольных людей, возмнивших, что они познали истину в последней инстанции. Вершитель справедливости здесь – дьявол. А самоотверженная, бескорыстная любовь женщины превращает ее в ведьму. Кажется, из жизни навсегда ушло добро, и появляется соблазн считать, что все окружающее – во власти зла. Люди забыли о Боге и в труднейшей ситуации взывают к ... сатане. Однако прагматизм настолько укоренился в душах, что в реальную помощь Князя Тьмы уже никто не верит, так как если нет Бога, то и дьявола, разумеется, тоже быть не может. "Нет ничего, ничего и не было! Вон чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за ней бульвар." [3, с. 64]. Оплывая потом, официанты несут над головами запотевшие кружки с пивом, хрипло и с ненавистью крича: "Виноват, гражданин!..." Грохот золотых тарелок в джазе заглушается иногда грохотом посуды. "В нескольких абзацах "обыкновенность" успевает разрастись до адской жути (но это не дает спасительного перехода в

необыкновенность). "И страшно, страшно" – не от пиратов и полночного видения в аду, а от чахлой липы, от плавящего льда в вазочке" [4, с. 61]. "Бездна в романе – всеобъемлющая, начиная с кляузной обывательской мерзости квартирному быта, включая бессмысленный механизм государственных учреждений и кончая бездарным конъюнктурным миром искусства; она вся обволакивается таинственным произволом, распоряжающимся людьми, и увенчивается идеологией образованных теоретиков" [5, с. 60].

В произведении "постепенно кристаллизуется концепция, идущая вразрез с традиционной христианской теорией. Мы видим, что зло в романе не уничтожается, но предстает в виде равнозначимой силы" [5, с. 60]. Это – религиозно-философский дуализм, восходящий еще к Византийской империи. Несколько неожиданным представляется то, что ересь так четко проявилась именно в трактовке Булгакова, оба деда которого были священниками, а отец – профессором Киевской Духовной Академии. Скорее всего, здесь мы наблюдаем влияние переживаемой автором эпохи правления зла, в которой добро беспомощно и беззащитно.

Беззащитно оно и в обоих пластах романа – сатирическом (о современной Москве) и философском (о древнем Ершалаиме). Стоит отметить, что в евангелическом эпизоде Булгаковым из канонического окружения Христа оставлены только Левий Матфей и Иуда, причем последний (по версии автора) – профессиональный провокатор – учеником Иешуа никогда и не был. Зато окружение прокуратора расширено (Марк Крысобой, Афраний, секретарь, командующий легионом, собака Банга), а самому прокуратору уделяется максимум внимания, вплоть до рассказа о его происхождении – он сын короля-звездочета и красавицы Пилы. В двух из четырех ершалаимских глав Иешуа и вовсе не участвует, а появляется лишь в снах и мыслях наместника. Произведение Мастера начинается с правителя Иудеи и заканчивается им.

Пилат предстает злым, назвать его "добрым человеком" значит прогневать. Он опытный политик, и драма его – в конфликте между тем естественным, человеческим, что еще в нем сохранилось, и этой ипостасью политика.

В "Мастере и Маргарите", как и в евангелии от Иоанна, благое намерение прокуратора останавливает страх перед кесарем. Творить добро Пилат не в силах, так как для этого нужно самопожертвование, на которое он не способен. Одиному наместнику легче казнить единственного понимающего и могущего помочь ему человека, чем попытаться нарушить установленный порядок и впасть в немилость. А ведь он так серьезно болен, что периодически желает умереть, да и должность свою ненавидит, но не хочет ее терять. Привычка повелевать делает Пилата рабом своего же высокого положения. Воспитанный в духе религиозной терпимости, характерной для Древней Греции и Древнего Рима, язычник Пилат, разуверившись в традиционных римских богах, поклонялся только реальной силе и власти. А Иешуа если не властью, то какой-то таинственной силой, безусловно, обладал, поэтому между ним и прокуратором возникает столь значимый в философском плане диалог.

Для главы же Синедриона Каиф, почитающего себя обладателем истины в последней инстанции, бродячий философ – разрушитель веками освященных традиций, всего привычного жизненного уклада, мировоззрения, следовательно, – злейший враг.

Образ первосвященника развит в духе четвертого евангелия. Он верит в свою правоту, в то, что казнь проповедника действительно необходима для блага иудейского народа. Смелый и решительный глава Синедриона трезво оценивает свои и чужие возможности, а религиозный фанатизм делает его неразборчивым в средствах. "В душе Пилата политик побеждает человека, а вовне он же терпит поражение перед силой человеческого духа" [6, с. 176].

Морально Иешуа поддерживают доброта, любовь к людям, стремление им помочь; Каифу фанатическая уверенность в своей правоте, Левия – непобедимое желание донести до всех живущих то, что он считает истиной; поэтому он и продолжает в силу своих ограниченных возможностей и понятий дело Га-Ноцири. Но в образе Матфея уже можно увидеть вероятную трансформацию Учения, создание строго иерархической христианской церкви. Он жестко делит всех на врагов и друзей, а это уже основание для новой иерархии – по степени приверженности учению, соблюдению его догматов. Однако Левий у Булгакова преданнее апостолов канонических текстов: он не убегает, не отрекается, как Петр, и, чтобы сократить муки Иешуа, сам готов умереть на кресте; рискуя жизнью, пытается похоронить проповедника. Но бывший сборщик подати не воспринимает сути учения, искажает его смысл; а желая отомстить Иуде, ведет себя, как язычник Пилат. Даже самый близкий к Спасителю человек далек от неожиданной и уязвимой идеи бескорыстной и безграничной любви ко всем.

Для властей Иешуа опасен тем, что помогает почувствовать себя личностью, осознать свою самоценность. Новую философию, по мнению автора, поняли не многие и только через сотни лет, зато устои старой, основанной на страхе и слепом преклонении, заколебались. Проповедник намекнул на возможность другой жизни, иных отношений. Бог в "Мастере и Маргарите" искренне верит в благородное, гуманное начало каждого.

"Здравствуй, добрый человек" – это не просто обращение, а призыв, совершенствуюсь, действительно стать добрым. А верят ли, что он Миссия, или нет, для Иешуа не главное. Поведение его также отличается от канонического: никаких упоминаний об отце небесном, угроз неуверовавшим, цитат из священных писаний, показательных исцелений, разговоров о мученической смерти в будущем, умиряющих речей к апостолам во время ареста. Просто единственный ученик неожиданно заболевает на сутки и герой один идет навстречу судьбе. И в этом он мужественнее евангельского Христа.

"Писателю нужна была яркая, как солнечный луч, и короткая, как вспышка молнии, жизнь праведника, призванная оттенить несовершенство современной жизни. Поэтому Иешуа в "Мастере и Маргарите" моложе канонического Иисуса, а его жизнь до мучительной смерти лишена каких-либо запоминающихся значительных событий. Главное для Булгакова – показать гуманистическое содержание жизни и смерти Га-Ноцри, нравственную высоту его учения" [6, с. 44-45]. Иешуа никем себя не провозглашает, выводы его собеседники должны сделать сами, и встреча с бродячим философом заставляет их иначе взглянуть на мир и на себя в этом мире. Сорокалетний сборщик податей сначала смеется, издевается, а затем, бросив на дорогу деньги, идет за странником. В речах Иешуа есть чудотворная убежденность в силе слова и в той истине, которую это слово несет. Поэтому Пилат и не спит, хочет продолжать разговор и поверить в то, что казни не было, и признаться в том, что трусость – самый страшный порок, потому что стоящий перед ним и его волей посланный на смерть проповедник, страдающий, страдающий побоев, униженный, слабый и беззащитный, но ни на секунду не поколебавшийся ни в своей вере, ни в своей духовной открытости, этим-то и опровергает "право сильного", к которому привык прокуратор, этим-то и зарождает в Пилате неутихающую душевную боль. Обещанное царство истины перечеркивает весь образ жизни наместника, всю систему его ценностей.

После суда Пилат не в состоянии жить как раньше. Совесть не дает ему покоя, стремление искупить свою вину растет, но не знает прокуратор, что делать, не умеет творить добро, не понимает жертвы Иешуа. Привязанность к философу выражается к ненависти к тем, за кого он умер.

В отличие от канона в романе Булгакова грешники, способные к пробуждению совести, глубоким, искренним раскаянием на том свете искупают свои преступления, совершенные на этом, некоторым из них даруется прощение, а иногда открывается царство света.

В мир, находящийся во власти зла, пришли доброта и милосердие, но люди их, по мнению автора, не узнали, не поддержали, не захотели понять.

Только одни полуграмотный бывший мытарь, соприкоснувшись с истиной, сумел усвоить лишь часть ее, трагизм состоит в том, что истина не делится на части. Преодолевая лишения и трудности, Левий Матфей закладывает фундамент христианской ортодоксальной церкви.

Эта изначальная искаженность учения была запрограммирована, так как, по мнению автора, к абсолютному знанию, страдая и борясь с косным миром, каждый человек, оступаясь и заблуждаясь, может прийти только сам. Как это сделал Мастер, но у него не хватило воли защитить открывшееся ему.

Ведомства Воланда и Иешуа не удастся объяснить антитезой добра и зла, скорее – это справедливость и милосердие. "Что же касается зла в той его основной природе, в какой оно разрушает, соблазняет и унижает, оно отнесено в романе к делам человеческим. Так что и по эту и по ту сторону смерти (будь это убийственная действительность или сборище бесчисленных покойных преступников) ад создается без всякого сверхъестественного вмешательства" [13, с. 60].

Композиционная ценность романа – в связующих нитях между далеким прошлым и современностью. А жанровая исключительность произведения – в дерзком сплаве гротеска и величавого, эпопейного экскурса в евангельское предание.

"История Понтия Пилата и Иешуа имеет двойную связь с основными сюжетными понятиями произведения. Во-первых, она составляет содержание того романа, который пишет Мастер. Во-вторых, эта страшная история как бы завершается в главном тексте книги" [7, с. 8]. По мнению автора, победа зла над добром не может быть конечной. Предпосылками же для

подобной веры были поступки самого прокуратора. Ведь именно он, обрешивший на смерть бродячего философа, приказал тайно убить Иуду, спровоцировавшего эту казнь. В бесчеловечном прячется человеческое и совершает, пусть и трусливо, возмездие.

Смешение же стилей романа происходит в конечном счете от соседства трагедий и фарса, высокого и комического, что являла собой человеческая история на всех стадиях своего развития. Булгаков, связав времена, соединил и самые, казалось бы, взаимоисключающие свойства и формы бытия. Величая патетика, нежность, дикий хохот, разбойничий свист, лакейское подобоострастие, культ вечного, дремучее суеверие, мудрое всеведение, красота мира, его же сор – все это выставлено в романе на обозрение и просит быть услышанным, ибо все это было и сочегалось всегда.

Оригинально стыкуясь, разграничиваются в романе справедливость и милосердие. Представить, что милосердие – это смягчающее добавление к справедливости, вносимое жалостливостью человеческого сердца, – значит пройти мимо редкостного феномена, данного христианством, и упустить данный феномен из созданного Булгаковым произведения.

Никакими силами справедливости, даже если она захочет счесть двухтысячелетние муки Пилата искуплением, страданий последнего снять нельзя, потому что останется в силе его поступок, да и сам прокуратор никогда не простит себе малодушия, вынудившего его согласиться на казнь проповедника. То прощение, которое получает правитель Иудеи от Иешуа в конце романа, – это качественно иное событие по отношению к справедливости. Это прощение – акт милосердия, которое в отличие от понятной человеку справедливости остается для нас величайшей загадкой.

Страдания прокуратора прекращаются только после заверения Иешуа, что казни не было. На наших глазах происходит уничтожение действительно происходившего: свершившееся, оказывается, не свершилось. Сверхчеловеческой силой любви, которая и осуществляет милосердное прощение, сотворено чудо, остающееся для людей тайной, так как мы не понимаем, как может не быть того, что было. Это становится возможным лишь в вечном, запредельном мире, где прошлое смыкается с настоящим и встречается с будущим.

Евангелический эпизод в рассматриваемом нами произведении изначально задумывался как стержень романа. И автору удалось блестяще довести этот замысел до конца, что и дает нам право рассматривать "Мастера и Маргариту" как произведение с евангелическим сюжетом.

Из всего многообразия "Нового Завета" Булгаков выбрал самые драматичные, выразительные эпизоды: ареста, суда, казни и погребения Мессии.

Образ Христа создан с опорой на евангелие от Луки, а сцена допроса более напоминает о евангелии от Иоанна. Вообще же сцены ареста, допроса, суда и казни следуют в русле христианской традиции.

Существенные отступления от канона допущены уже в Московской части романа. Это, во-первых, то, что дьявол равновелик Богу (религиозно-философский дуализм). Во-вторых, ад, как в настоящем, так и потустороннем мире, – дело рук человеческих, и вмешательства запредельных темных сил для этого не требуется. В-третьих, миром правит зло, но проистекает оно не от сатаны, а от человеческой же власти, ее подавляюще-обезличивающего механизма. В-четвертых, ведомства Бога и дьявола противопоставляются не как Добро и Зло, а как доступная нашему сознанию справедливость и непостижимое им милосердие.

Эту несколько неожиданную точку зрения в одинаковой мере можно объяснить как действительностью, окружающей автора, так и его собственным мировоззрением.

Ко второму отступлению от традиционных взглядов примыкает и следующий небезынтересный факт – в потустороннем мире существуют только моральные муки, и испытывают их лишь грешники, способные к пробуждению совести. Более того они могут выстрадать прощение. А вообще на том свете "каждому будет по вере его"; Мастер получает покой и возможность свободно творить, потому что больше всего желал именно этого, Маргарита, избавленная от необходимости лгать, – счастье разделенной любви, Пилат же своим глубочайшим раскаянием заслужил право на нескончаемый спор с Иешуа.

И хотя у талантливого человека, в ходе духовных исканий угадавшего истину, не хватило моральных сил ее отстаивать, жить и творить дальше, грусть финала значительно смягчена тем, что, во-первых, "Христос существовал и доказательств никаких не требуется", во-вторых, тем, что воздается "каждому по вере его", в-третьих, – искупление грехов и прощение возможны и после смерти, кроме того, на чашу весов ставятся не только достижения, но и муки, следовательно, прощение, даже истину можно выстрадать. В противовес нелепому,

устроенному по человеческому произволу аду, с древнейших времен царящему на всех континентах, наличествует вечный, справедливый и милосердный потусторонний мир, где и воздается всем по вере, заслугам, страданиям.

Мастер получил покой, потому что всю жизнь к нему стремился, уходя от враждебной действительности в историю, в творчество, в любовь, наконец, в клинику Стравинского, дающую иллюзию ухода от общества. Вдохновенно самовыражаясь, Мастер никогда не думал о возможных читателях созданного им произведения. Для счастья героя необходимы условия, чтобы писать и любовь Маргариты.

Литература

1. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. – М.: Локид; Миф, 1996. – 592 с.
2. Булгаков М. А. Великий канцлер. Предисл. и коммент. В. Лосева. – М.: Изд-во "Новости", 1992. – 544 с.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. – М.: Худож. лит., 1988. – 384 с.
4. Булгаков М. А. Вел. К.: Черновые редакции романа "Мастер и Маргарита". – М.: Новости, 1992. – 384 с.
5. Андреевская М. И. О "Мастере и Маргарите" // Лит. обзор. – 1991. – №3. – С. 59-63.
6. Соколов Б. В. Михаил Булгаков. – М.: Знание, 1997. – 64 с.
7. Бобрыкин В. Г. Михаил Булгаков. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.